

ПРЕДИСЛОВИЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ И МЕСТАМИ - АВТОРА.

*«Эта песня – для тех, кто прочёл
больше ста книг»*

С.Никитин

1. Сохранившихся записей могло бы быть намного больше, если бы, разбрасывая, мы могли задумываться - а не надо ли будет потом собирать.

2. Включить из разысканного в эту подборку стоило бы намного меньше, если бы не соображение, что самые простенькие и старенькие записи вдруг да окажутся кому-то дороги одним шумом поляны, потрескиваниями всякими, криками и звяками. Теперь они без потерь сжались в небольшой тр3-объём – слежались, как хранящиеся мягкой стопкой, далеко уже не синие и не красные, эмблемки московских слётов (на почётном месте – с номерами меньше 15-ти). В общем, скромный исполнитель-составитель, воображая себе Уважаемого Ценителя, кое-где рассуждал так: напиток - напитком, но и плесень прошлого века на бутылке наверно чего-то стоит.

3. Братьям-гитаристам отвечаю: Аккомпанемент здесь везде - 7-струнный, в вариантах: ре-си-соль-ре-до-соль-ре (в большинстве случаев) или ре-си-соль-ре-до-ля-ми. Второй – собственное изобретение, как сами видите – вышел гибрид с 6-стрункой, хотя придумывался из других посылок. За сдвиг на тон двух басов я его зову 7++ (здесь он был использован, например, чтобы рискнуть сыграть, некоторые вещи Луферова, Бережкова, не копируя авторов, а из собственных – “Лунную песенку”, романс “Моей ровеснице”).

Струны железные. Гриф – на винте (привык его качать на дешёвых гитарах, чтобы нейтрализовать вечный «нестрой», отсюда иногда – завывания и пощёлкивания). Как что зажимаю – рассказать не жалко, но долго - нотами не владею. (Каждый раз изобретать велосипед – тоже, между прочим, удовольствие.) Подбираю - зажмурившись, спросите – собьюсь. Могу конечно, если кого что интересует, нарисовать гармонии буквами, но расписать в деталях с длинными верхними и нижними индексами, как, скажем, Никитин или Дихтер – абсолютно слабо. Наложений, второй гитары и прочих таких вещей не использовал.

4. Всем сказанным далее делюсь только как бесповоротный и необъективный апологет поэтической песни, её многолетний слушатель и собиратель. Посильное собственное в ней участие в данном случае ни при чём. Разумеется, всё нижесказанное – только «по моему субъективному мнению...» и т.д.

Основой жанра считаю интонацию. «Авторская» песня – плохое название, хотя и другие не лучше. Уж скорее – «Поэтическая». Исполнительская составляющая равна авторской. Не было мурашек, когда слушал – значит, нечего было и слушать. Не захватывает волной, когда поёшь – значит не стоит сегодня петь.

Сохранение на бумаге нот и слов – малополезное дело. Тогда и всякую музыку читайте пожалуйста в партитурах. Купите ноты и читайте. (Извините меня, профессиональные музыканты, просто сейчас я – не о вас, и вообще – о другой музыке – музыке слова). Нет. Только живьём или в аудиозаписи. В живом голосе, между нотами, музыки больше, чем в самих нотах, и сущность интонации поэтической песни именно в том, что между. Слова же на бумаге – и вовсе вне жанра. Тексты с нотами или гармониями способны нести вспомогательную функцию рабочих материалов – не более. Они не фиксируют главного. Архивы и антологии поэтической песни текстовыми

быть не могут по определению. Представляющими жанр могут считаться только сборники звуковые.

Суть жанра - музыкальное интонирование русской поэтической речи. Здесь поочерёдным вычёркиванием то одного, то другого слова, или их заменой, можно получить определения смежных жанров (попробуйте). По отдельности все компоненты где-нибудь да сильнее, но не дают такого же целого. Только все пять вместе указывают на поэтическую песню.

(Слово «русской», разумеется, - не от идеи исключительности, просто, выросшие в стихии родного языка, мы, наверное, не можем так же глубоко судить о воздействии звучания чужой поэзии на носителя той же культуры. На простой любительский слух шансон, кантри, блюз – это всё вообще другое, задевает другие струны, а *этих* не задевает. Рысев, взявшийся по-русски петь Брассанса с его же музыкой, из жанра немедленно выпал).

Пока чёрные строчки лежат себе в своих томиках, они ещё не стихи - чертежи стихов. Речь отвердела в семена букв. Кто взрастит их? Почти нет людей, которые умеют вернуть значки в пространство слова, произнести так, чтобы хотелось слушать и можно было повторить. Без музыки это и вовсе трудно, нет опоры для памяти чтобы закрепить и воспроизвести найденные другим удачные повороты интонации.

Поэт, долго не читавший своих стихов вслух, теряет реальность звука и начинает рифмовать на глаз «мачту» с «потому что».

Дулов, Никитин, Берковский, Шангин-Березовский, Смирнов, Старчик, Шабанов, Качан, Левкоева, Барьюдин (продолжите сами), – построили, дом за домом, целый город звучащей поэзии по чужим чертежам, спасли, вытащили написанное из плоскости. Камбурова, Жаворонки, Берендеи, Скай (п. с.) казалось бы, взяли на себя только отделку - резьбу и роспись по готовому, но выполнили это так, что без их работы сильно проиграла бы и вся архитектура. Главные лица (с Анчарова и дальше) прошли сами всё - от идеи до конька крыши, не доверяя чужим рукам и не замуровывая своих замыслов в бесполезные бумажные хранилища. Целый муравейник мастеров, великих и не очень, взялся вдруг за новый труд. Все как-то одновременно поняли, что речь – она для слуха. Возведённые, поднятые в вертикаль города *произнесённых* стихов, вместо черно-буквенных их проекций – совершенно новое и единственное настоящее достижение жанра.

Здесь стало считаться уместным петь именно стихи, считая стихами только то небольшое, что вправду стоит запоминать наизусть. Здесь же стало нормальным полагать, что одно только совпадение количества долей и одинаковая расстановка ударений в музыкальной и поэтической строчках – ещё не повод для их объединения в песню.

Предположим, что музыка – часть языка, а точнее - оторвавшаяся в самостоятельную жизнь и невероятно развившаяся его фонетическая координата (может быть в этом и есть разгадка происхождения музыки и её различия у разных народов?). Тогда поэтическая песня как жанр вернула совершенному поэтическому слову координату звука также в совершенной – музыкальной, и притом интонационно оправданной, – форме. Значит Клячкин, Суханов или Яценко, придумав свои самые удачные мелодии, одной этой работой, даже независимо от качества слов, добавили что-то к нашей речи - именно не к музыке только, но к речи.

Язык постоянно нуждается в аранжировщиках произнесения не меньше, чем в аранжировщиках смыслов.

Именно в аранжировке произнесения русской поэтической речи лучшие из т.н. «дилетантов» - создателей и продолжателей жанра оказались и выше и современнее т.н. «профессионалов» - мастеров *-только-в-музыке* или *-только-в-поэзии* или *-в-традиционных-жанрах-сцены*. Этот прорыв и отрыв вполне доказаны накопленным массивом принципиально новых художественных результатов. Использование для обсуждения этого вопроса термина «профессионал», отталкиваясь только от образования или способа зарабатывания на жизнь, не имеет смысла. В сочинении и исполнении поэтической песни Ким - профессионал, а Рейн, М.Дунаевский, Хворостовский и Джигурда - нет.

Поэтическая песня принадлежит тысячелетию Текста. Её только по инерции слегка занесло в век Экрана. В этом смысле она – безусловное ретро. Теперь нас заливает потоп совсем другой, интересной, сегодняшней, становящейся поэзии движущихся цветных форм - музыки для зрения. Но взамен мы, видимо, обязаны отчасти потерять накопленный предками дар вразумительного говорения, кто – в попытках угнаться словом за стробоскопом клипов и лазерных фантомов, а кто – далеко засунув голову в компьютер на зов тамошних аборигенов.

Для стойких остаются не такие уж большие островки. И, спасшись на ближайшем Арарате, они хотят, конечно, там, среди прочих осязаемых вещей, опять находить, кроме осмысленных слов, ещё и содержательную интонацию. «Содержательную» – потому что - промьчи нам кто-то из авторов удачно найденную новую песенную фразу нарочно без слов, но слова эти подразумевая, – всё равно услышим, угадаем, что по-нашему мычит, не по-английски и не по-арабски, поймём, в принципе - о чём, поддадимся настроению, если сделано искренне.

Пусть пища для глаз будет предложена самая аскетическая, движения исполнителя скованы гитарой, мимика подчинена происходящему внутри, так что зрелища отобраны у глаз наблюдателя в пользу нагруженных работой слуха и воображения. Не спугните! Не потребуйте прыжков и коленцев! Потому что главный актёр на этой сцене – невидимка. Потому что только здесь, если правильно прислушаться, можно ещё очутиться в нигде уже более не виданном, а точнее – не слыханном - *музыкальном театре слова*.

5. Это нужно не всем, и потому, без обид, это и должно бы продолжать существовать в пределах круга активных искателей такой песни, без искусственного его разжима вовне силой. Как только поэтическая песня начинает слишком приспосабливаться, чтобы стать - для всех, так тут же расстраивается тонкая струна жанра.

Слово «проект» выбивает из песни её колдовскую душу с надёжностью серебряной пули.

Сосуд чистой воды, разлитый на слишком широкую поверхность, есть чистая лужа.

Тому пример - знакомые песни, зазвучавшие в новых руках с совсем другими целями. Тому пример - огромные тусовки одновременно со сценами и ярмарками (не храмы ли с менялами?), не говоря про мероприятия с «целями», «задачами» и даже «патриотической песней», затеваемые возможно и искренне, чтобы украсить нам жизнь и порадовать съезжающую публику.

Пусть будут народные гуляния и карнавалы, трубы и павлиньи перья. Но от чего тут замереть, что унести с собой охотнику за ладно произнесённым словом? Господа, если кто-нибудь здесь за тем же, то, не споря и не мешая, перенесём наши поиски подальше от таких мест, господа.

6. Чья-то новая талантливая вещь – раз; место у огня для меня – незнакомого – два. Это искупает всё.

7. Если в доме стало много посторонних звуков, давайте посмотрим - не прилипла ли в каком углу сладкая приманка? Отскребём и выбросим её за порог. И посмотрим, - кто останется, чтобы расслышать себя и соседа, а кто уйдёт шуметь за окном.

Чтобы жанр не умирал, надо всё время хоть что-нибудь в нём делать, как раньше – бесплатно.